

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.В. Шумилин

**ДЗОНО ДЕ МАНЬЯЛИС
И ПОНЯТИЕ HISTORIA
У ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ЛАТИНСКИХ ГРАММАТИКОВ**

Препринт WP19/2012/03

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2012

УДК 351.073.532
ББК 67.401в6
Ш96

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

Ш96 **Шумилин, М. В.** Дзоно де Маньялис и понятие *historia* у позднесредневековых латинских грамматиков : препринт WP19/2012/03 [Текст] / М. В. Шумилин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 32 с. –150 экз.

Разбор того, что стоит за понятием *historia* для флорентийского грамматика начала XIV в. Дзоно да Маньяле в до сих пор не опубликованной части вступления к его комментарию к «Энеиде», позволяет, с одной стороны, отчетливее разглядеть характерные для большинства средневековых комментаторов античной классики тенденции в интерпретации этого понятия, а с другой стороны, увидеть своеобразие подхода самого Дзоно к работе с «историей».

УДК 351.073.532
ББК 67.401в6

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ № 12-03-00482 «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции» (2012–2014 гг.).

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Шумилин М. В., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Исследования проблематики соотношения между фактом и вымыслом, *historia* и *fabula* в традиции средневековых западноевропейских грамматиков (напомним, что в разряд «грамматиков» входят и комментаторы классических античных текстов) весьма популярны в современной науке, поскольку являются удобным ключом к пониманию того, как образованные люди эпохи мыслили историчность, фикциональность, факт¹. Потребность в осмыслении этих понятий вызывалась самой необходимостью адаптации к христианской культуре и образованию текстов, созданных в принципиально иной античной языческой культурной среде. Однако многие конкретные перипетии этого осмысления до сих пор не были достаточно освещены в науке – просто потому, что множество средневековых комментариев остается неизданным (причем, хотя может показаться, что речь пойдет о слове *historia* как техническом термине средневековой литературной теории, актуальном для узких специалистов, на самом деле к представлениям об «истории» в современном смысле слова и, конкретнее, к тому, как средневековые ученые представляли себе римскую историю, он также имеет, как мы увидим, самое прямое отношение). В настоящей работе я хочу обратиться к одному неизданному и остававшемуся без внимания фрагменту вообще достаточно популярного в последнее время комментария флорентийца Дзано де Маньялиса к Вергилию, начала XIV в. На мой взгляд, в этом тексте хорошо видны некоторые интересные черты развития понятия *historia*, которые труднее разглядеть в других текстах, но которые многое объясняют в устройстве позднесредневековой словесности.

Идея разделения «правдивого содержания» и вымысла в тексте для оправдания содержательно неприемлемых эпизодов (конфликтующих с представлением о поэте как хранителе высшей мудрости), конечно, не специфична для средневековой литературной теории и появилась уже в ходе древнейших дискуссий о поэмах Гомера². Оппозиция *historia* – *fabula*, используемая для такого разделения, также заимствована средневековьем из античной литературной теории, прежде всего из знаменитого комментария к Вергилию Мавра Сервия Гонората (кон. IV в. н. э.), и обычно со-

¹ См., напр., *Bietenholz P. G. Historia and Fabula: Myths and Legends in Historical Thought from Antiquity to the Modern Age. Leiden; New York; Köln, 1994; Green D. H. The Beginnings of Medieval Romance: Fact and Fiction, 1150–1220. Cambridge, 2004.*

² См. *Feeney D. C. The Gods in Epic: Poets and Critics of the Classical Tradition. Oxford, 1991; Pfeiffer R. History of Classical Scholarship: From the Beginning to the End of the Hellenistic Age. Oxford, 1968. P. 8–10.*

храняет сильную связь с дискуссиями о том, относится ли историческая поэма Марка Аннея Лукана «Гражданская война» (60-е гг. н. э.) к поэзии или истории³. Представления Сервия хорошо видны по следующему пассажи (Serv. in Aen. 1.382). Комментируя утверждение Вергилия, что Венера указывала Энею дорогу, Сервий пишет:

Hoc loco per transitum tangit historiam, quam per legem artis poeticae aperte non potest ponere. nam Varro in secundo divinarum dicit 'ex quo de Troia est egressus Aeneas, Veneris eum per diem cotidie stellam vidisse, donec ad agrum Laurentem veniret, in quo eam non vidit ulterius: qua re terras cognovit esse fatales': unde Vergilius hoc loco 'matre dea monstrante viam' ... quod autem diximus eum poetica arte prohiberi, ne aperte ponat historiam, certum est. Lucanus namque ideo in numero poetarum esse non meruit, quia videtur historiam composuisse, non poema.

В этом месте он намеком касается истории, которую не может излагать прямо по законам поэтического искусства. Ведь Варрон во второй книге «О богах» пишет: «С тех пор как Эней покинул Трою, он все время видел звезду Венеры, пока не доплыл до Лаврентийской области, где больше уже не видел ее. По этому признаку он узнал, что это сужденные роком земли». Поэтому Вергилий говорит в этом месте: «Дорогу же указывала мать-богиня»... А что касается нашего утверждения, что поэтическое искусство запрещало ему прямо излагать историю, то это достоверно. В частности, Лукан не заслужил входить в число поэтов по той причине, что, как кажется, сочинил историю, а не поэму.

Таким образом, совмещение «истории» и мифа трактуется как «закон поэтического искусства» (*lex artis poeticae*), и Лукан нарушил его, не добавив к «истории» чего-то сверхъестественного. *Historia* обычно трактуется в рамках таких оппозиций либо как «правдоподобное» (Serv. in Aen. 1.235), либо, чаще, как «то, что было», «правда» (напр., Rhet. ad Her. 1.13, Cic. De inv. 1.27, Quint. Inst. 2.4.2, Mart. Cap. 5.550, Isid. Etym. 1.44.5). Этим объясняется двойственная позиция Сервия: с одной стороны, он явно видит определенную ценность во включении «исторического» со-

³ Мою реконструкцию античных дискуссий см.: Шумилин М. В. Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории // Индоевропейское языковедение и классическая филология. Т. 15. 2011. С. 594–601.

держания (и потому и отмечает с симпатией эту особенность текста Вергилия: Вергилий явно молодец, что не просто написал выдумку, а одновременно еще и намекнул на историю), но, с другой стороны, и нарушение «закона», запрещающего метризацию «неразбавленной» истории, считает проступком: Лукан в формулировке Сервия именно «не заслужил» (*non meruit*) считаться настоящим поэтом⁴. Похожее представление о поэтическом тексте как смешении вымысла и правды, в данном случае мыслимой уже не как история, а как философия, можно найти и у современника Сервия Макробия, также сильно повлиявшего на средневековых комментаторов⁵.

Многочисленные обсуждения той же оппозиции в средневековых комментариях (прежде всего к Лукану) похожим на Сервия образом колеблются между позитивной оценкой «историчности» и позитивной оценкой соблюдения правил поэзии⁶. Не углубляясь в эту тему, приведем несколько ярких примеров. С одной стороны, средневековые комментаторы склонны оправдывать поэта, находя вымысел в, по-видимому, «историческом» содержании. Любопытная линия оправдания Лукана – апелляция к «топографии», которую мы находим уже в комментарии так назы-

⁴ См. *Dietz D. B.* *Historia in the Commentary of Servius* // *Transactions of the American Philological Association*. Vol. 125. 1995. P. 61–97; *Lazzarini C.* *Historia/fabula: forme della costruzione poetica virgiliana nel commento di Servio all'Eneide* // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. Vol. 12. 1984. P. 117–144.

⁵ *Напц., Macr. Somn. Scip.* 1.9.8: *hoc et Vergilius non ignorat, qui, licet argumento suo serviens heroas in inferos religaverit, non tamen eos abducit a caelo, sed 'aethera' his deputat 'largiorem', et 'nosse eos solem suum ac sua sidera' profitetur, ut geminae doctrinae observatione praestiterit et poeticae figmentum et philosophiae veritatem* «Знает об этом и Вергилий: хотя он и отправил героев в Преисподнюю, руководствуясь требованиями сюжета, он, однако же, не изгоняет их с неба, но выделяет им “более щедрый эфир” и признает, что “они видят собственное солнце и собственные звезды”; таким образом он, думая сразу о двух науках, и для поэтического искусства предоставил вымысел, и для философии – истину»; ср. *Serv. in Aen.* 6 praef., *Macr. Somn. Scip.* 1.2.4–21.

⁶ *Moos P. von.* *Poeta und historicus im Mittelalter: Zum Mimesis-Problem am Beispiel einiger Urteile über Lucan* // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* (Tübingen). Bd. 98. 1976. S. 93–130; *Quadlbauer F.* *Lukan im Schema des ordo artificialis/naturalis: Ein Beitrag zur Geschichte der Lukanbewerung im lateinischen Mittelalter* // *Grazer Beiträge*. Bd. 6. 1977. S. 67–105; *Moos P. von.* *Entre histoire et littérature: Communication et culture au Moyen Âge*. Florence, 2005. P. 89–202; *Wetherbee W.* *From Late Antiquity to the Twelfth Century* // *The Cambridge History of Literary Criticism*. Vol. 2: *The Middle Ages* / Ed. by A. Minnis and I. Johnson. Cambridge, 2005. P. 103–106.

ваемого «магистра Ансельма», предположительно отождествляемого с Ансельмом Ланским (ум. в 1117 г.), учителем Петра Абеляра⁷:

Notandum etiam quod iste non dicitur proprie poeta, cum poesis dicatur fictio, sed tamen⁸ quia in topographiis, id est descriptionibus locorum, fingit, inde vocatur⁹ poeta, nam in describendo mutat portus ipsos.

Следует также отметить, что он называется поэтом не в собственном смысле слова, ведь поэзией называется вымысел, но потому, что в топографиях, то есть в описаниях мест, выдумывает, поэтому называется поэтом: ведь, когда он описывает, он меняет местами сами гавани.

Близкая ремарка есть в рукописи Лукана Monacensis Clm 4593, также XII в., fol. 146r:

Notandum quoque quod iste non proprie dicitur poeta, cum poesis [*sic*] dicatur fictio; sed tantum quia in topographiis fingit, inde vocatur poeta. nam in scribendo mutat portus ipsos¹⁰.

⁷ Комментарий к Лукану из рукописи Berolinensis lat. 1016, атрибутированный В. Розе Ансельму Ланскому на основании пометки hoc dicebat magister Ansellus «Так говорил магистр Ансельм» в находящемся в той же рукописи комментарии к Вергилию и идеи, что все три комментария этой рукописи – к Лукану, Вергилию и Стацию – являются записями лекций одного и того же магистра (*Rose V. Verzeichniss der lateinischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd. II. Abt. 3. Berlin, 1905. S. 1306–1307, ср. Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 3. München, 1931. S. 238–239*), до сих пор не опубликован, я цитирую его по *Marti B. M. Literary Criticism in the Mediaeval Commentaries on Lucan // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 72. 1941. P. 247 и 251* (причем в двух разных местах Берта Марти цитирует один и тот же текст с отличиями, которые я отмечаю в примечаниях).

⁸ Возможно, следует исправить на tantum, ср. цитируемый далее текст рукописи Monacensis Clm 4593. В цитате на с. 251 *Marti B. M. Op. cit.* пропускает это слово.

⁹ В цитате на с. 251 *Marti B. M. Op. cit.* читает в этом месте vocatus est.

¹⁰ Р. Гюйгенс (не заметивший в цитируемой нами рукописи продолжения accessus'a в конце) опубликовал близкий текст по рукописи Monacensis Clm. 19475, но в его варианте нашему пассажи соответствует только фраза Notandum quoque quod iste dicitur proprie poeta «Следует также отметить, что он называется поэтом в собственном смысле слова» (*Accessus ad auctores; Bernard d' Utrecht; Conrad d' Hirsau, Dialogus super auctores / Éd. par R. B. C. Huygens, Leiden 1970. P. 44; Chinca M. History, Fiction, Verisimilitude: Studies in the Poetics of Gottfried's Tristan. London, 1993. P. 65, как кажется, переоценивает революционность этой модификации. Caiazzo I. Lectures médiévales de Macrobie: Les "Glosae Colonienses super Macrobius". Paris, 2003. P. 97* отмечает недосмотр Гюйгенса и цитирует часть текста с fol. 146r нашей рукописи, но пропускает приводимый нами отрывок

Следует также отметить, что он называется поэтом не в собственном смысле слова, ведь поэзией называется вымысел, но только потому, что в топографиях, то есть в описаниях мест, выдумывает, поэтому называется поэтом. Ведь, когда он пишет, он меняет местами сами гавани.

То есть для доказательства, что Лукан все-таки поэт, забавным образом используется тот факт, что он допускает географические ошибки или вольности, а значит, отступает от правды (= *historia*)¹¹. В качестве примера другого полюса обсуждений понятия *historia* я приведу до сих пор неизданный и местами плохо читаемый, но интересный *accessus* («вводную информацию для чтения») к тому же самому Лукану из рукописи *Laurentianus Plut. 35.7* (XIII в.), fol. 1r (астериск = 1 неразборчивое слово):

...dictus Lucanus quasi lucide canens et alt**** sicut tuba ceteris altisonis instrumentis superponitur, sic vox huius et metrum *pedale in sermone tragicodico omnibus preferitur historiographis et tragedis. et tam luculenter bella Romana descripsit ut nulla nube fictionis fabularum verisimilium poetria * fuerit *. unde extraneus ab aliis poetice scribentibus dicitur, quia de poesi nisi solum metrum exercuit nec falsa vero miscuit, sed seriosa

вок. Практически идентичный текст по другой рукописи (*Berolinensis lat. 35*, датировки колеблются между XI и XIII в.) был некогда также опубликован в *Marci Annaei Lucani Pharsalia... / Adn. suam add. ... C. F. Weber. Vol. III: Continens scholiastas. Lipsiae, 1831. P. 3* (*Notandum etiam, quod iste non dicitur proprie poeta, cum poesis dicatur fictio, sed tamen quia in topographiis i. in descriptionibus locorum fingit, inde vocatus est poeta; nam in describendo mutat ipsos portus*).

¹¹ Какая конкретно «ошибка» Лукана имеется в виду, насколько мне известно, до сих пор не выяснено; чтобы ответить на этот вопрос, следует внимательно просмотреть на этот предмет известные позднеантичные и средневековые комментарии. *Marti B. M. Op. cit. P. 451* указывает на комментарий рукописи *Berolinensis lat. 35* и еще пары других рукописей к *Luc. 7.451*, но там речь не о гаванях (*Supplementum adnotationum super Lucanum / Ed. G. A. Cavajoni. Vol. II. Milano, 1984. P. 112: Quod autem dicit Argos damnatum subitis noctibus, Mienas dicere debuit, sed sciendum est mutuassee illum nomen loci ex vicino, sicut frequentissime apud poetas invenimus «А что он говорит, что Аргос был осужден на неожиданный приход ночи, так это он должен был говорить про Микены, но следует знать, что он позаимствовал название места у соседнего, что мы весьма часто находим у поэтов»*). Марти также указывает на схожий подход к «топографии» поэтов в *Serv. in Aen. 1.159* (стоит обратить внимание, что тут как раз речь о гаванях – говоря об африканском Карфагене, Вергилий, согласно Сервию, описывает на самом деле гавань испанского Нового Карфагена) и *1.273* (можно еще добавить *1.235*).

protulit veridica, licet per parentesim usus fuerit in cursu sermonis sui variis digressionibus, ornamentis, quibus sermo ei magis redditur expolitus. itaque his descriptis (potest ?) dici nova poesis, quia servans ordinem naturalem materie et rei geste imposuit nova incidentia ut artificiali pulcritudine variationum suum coloraret eloquium. quare merito princeps tragedum dici potest, et talis modi loquendi novissimi poematis adinventor. et itaque si nomen poete assumpserit, novus doctor vel auctor poetice nuncupetur.

... Назван Lucanus как будто бы *lucide canens* <<блестяще поющий>> и высоко-..., словно труба заглушает другие громогласные инструменты, так и его голос и ...-стопный размер в трагической речи предпочитается всем историографам и трагикам. И столь блестящим образом он описал римские войны, что поэзия оказалась не ... никаким туманом вымысла правдоподобных рассказней. Поэтому про него говорят, что он чужд другим поэтически пишущим, поскольку из поэтического он практиковал только стихотворный размер и не примешивал к истине лжи, но говорил серьезную правду, хотя в качестве вставок он и пользовался по ходу своей речи разнообразными отступлениями, украшениями, делая таким образом свою речь более изысканной. Таким образом, учитывая это описание, (можно?) назвать это новой поэзией, поскольку, сохраняя естественный порядок материи и фактов, он добавил новые привходящие черты, чтобы расцветить свое красноречие искусственной красотой разнообразящих вставок. Поэтому он по праву может быть назван первым среди трагиков и изобретателем совершенно новой поэмы в этом способе говорения. И таким образом, если он получит имя поэта, то его следует называть новым учителем, или автором, поэтики.

Таким образом, перед нами два полюса аргументации: либо Лукан хоть и привержен *historia*, но, поскольку звание поэта тоже притягательно, то мы будем доказывать, что он на самом деле все-таки и поэт тоже и на самом деле отступает от истории; либо ценности лживой поэзии вообще полностью отодвигаются на второе место и Лукан оказывается, собственно, и хорош тем, благодаря чему он не настоящий поэт, то есть своей приверженностью к *historia*, правде. Между этими двумя полюсами и колеблются в основном средневековые обсуждения «историчности» Лукана и, шире, должного соотношения между поэзией и «историей».

Применительно же к другим авторам эту схему, как уже было сказано, можно было использовать и в качестве инструмента, при помощи которого можно «разделаться» с мифологическим содержанием поэзии.

Развитие этой концепции, на которое я хочу обратить внимание, принадлежит флорентийскому комментатору XIV в. Дзоно (или Чоне) де Маньялису (или да Маньяле, де Маньяли)¹². О его жизни известно относительно мало: между 1311 и 1321 г. он находится в Болонье, где, вероятно, сначала учится (по крайней мере до 1319 г.), а затем преподает; после этого он преподает в Монтепульчано¹³. Из его текстов наибольшим успехом пользовались комментарии к «Энеиде» Вергилия (сохранилось порядка 20 рукописей)¹⁴ и «Гражданской войне» Лукана (известно 11 рукописей)¹⁵. Первый из этих комментариев точно (и логично предположить, что и второй тоже) переработан из студенческих записей лекций Дзоно – т. н. *recollectae*¹⁶. Сами такие *recollectae* сохранились для «Энеиды», а также (в паре рукописей) для «Георгик» и «Буколик», но Дзоно, похоже, не успел сделать из этих записей обработанные комментарии (хотя и собирался, как следует из вступления к комментарию к «Энеиде»)¹⁷. П. Кристеллер также отождествляет с Дзоно некоего «Зенона (Zeno) Флорентийца», комментарий которого к псевдоцицероновской «Риторике

¹² В моей старой работе *Шумилин М. В. Метрические argumenta Лукана: по следам грамматических традиций (Часть I. Argumenta Barthiana) // Аристей. Т. 1. 2010. С. 78–105* я называл его Чоне (опираясь на старую традицию, основывавшуюся на *Weber C. F. De interpretibus Lucani ante inventam artem typographicam // Marci Annaei Lucani Pharsalia... / Adn. suam add. ... C. F. Weber. Vol. III: Continens scholiastas. Lipsiae, 1831. P. XXX*). В рукописях встречаются разные написания имени (Zonus, Zone, Ciones, Çiones, Cionus, Conus), сейчас в западной науке принято называть его Дзоно, Zono (*Novati F. Ineptissimus ille Ciones // Il libro e la stampa. Vol. 2. 1908. P. 174, n. 5* доказывает, что это регулярное образование от имени Simone, хотя предпочитает, соответственно, написание Zone, Дзоне). Прозвище *de' Magnalis* происходит от (странным образом итальянизированного) топонима *castrum Magnalis*.

¹³ Ссылки на источники по его биографии собраны в *Stok F. La "Vita di Virgilio" di Zono de' Magnalis // Rivista di cultura classica e medioevale. Vol. 33. 1991. P. 143, n. 2*.

¹⁴ См. *Ibid.* P. 144–147 и *Lord M. L. A Commentary on Aeneid 6: Ciones de Magnali, not Nicholas Trevet // Mediaevalia et Humanistica. Vol. 15. 1987. P. 147–160* (особенно P. 156, n. 14).

¹⁵ *Rossi L. C. Benvenuto da Imola lettore di Lucano // Benvenuto da Imola lettore degli antichi e dei moderni: Atti del Convegno Internazionale Imola, 26 e 27 maggio 1989 / A cura di P. Palmieri e C. Paolazzi. Ravenna, 1991. P. 186–187, n. 74*.

¹⁶ *Stok F. Op. cit. P. 145*.

¹⁷ *Stok F. Op. cit. P. 145–146, 148*.

к Гереннию» сохранился в рукописи Ambrosianus J 87 sup.¹⁸, и указывает на сохранившиеся в одной падуанской рукописи латинские стихи Дзоно¹⁹. Для комментария к «Энеиде» есть *terminus ante quem* – 1336 г., дата написания одной из сохранившихся рукописей²⁰. Правда, в этой рукописи, как и во многих других, отсутствует *accessus*, о котором пойдет речь далее, и теоретически можно допустить, что он был добавлен Дзоно после этой даты, однако против этого допущения говорят сохранившиеся в *accessus*'е немотивированные повторы, характерные для стиля *recollectae* и, видимо, не всегда устранявшиеся Дзоно при чистовой обработке комментария²¹. Таким образом, вероятная дата написания интересующих нас пассажей – между 1319 и 1336 гг.

Внимание, которое обратили на Дзоно в последнее время, связано в основном с публикацией Фабио Стоком жизнеописания Вергилия («вынутого» из состава комментария) в 1991 г.²² Другие части *accessus*'а Дзоно также в какой-то степени были известны и до того²³, и Сток подробно

¹⁸ *Kristeller P. O. Iter Italicum: A Finding List of Uncatalogued or Incompletely Catalogued Humanistic Manuscripts of the Renaissance in Italian and Other Libraries. Vol. I. London; Leiden, 1965. P. 333.* Далее в рукописи следует комментарий к цicerоновской речи «В защиту закона Манилия», который Кристеллер также предположительно приписал Дзоно.

¹⁹ *Ibid. Vol. II. London; Leiden, 1967. P. 16, n. 2.* Судя по одному стихотворению, приводимому *Novati F. Op. cit. P. 175* по одной из недоступных нам рукописей комментария к Лукану, стихи эти очень плохи даже по меркам стихов грамматиков XIV в. Если во второй строке приводимого Новати текста (*Zonum Romei genuit quem Florentia, motum... «Дзоно, сына Ромео, которого породила Флоренция, сподвигшегося...»*) смысл и синтаксис указывают, что в исходном тексте явно не должно было быть закравшегося при переписке слова *quem*, без которого метрика придет в порядок, то из 4 строки (*hoc quoque Bertus, Regino sanguine cretus «Это и Берто, взрожденный от крови жителей Реджо...»*) правильный гекзаметр с уместным смыслом уже сделать сложно, а первой строкой этого гекзаметрического стихотворения служит явный пентаметр *Confer opem famulo, sancta Maria, tuo «Пособи, святая Мария, своему рабу»*. Прозаическая латынь у Дзоно тоже очень плохая: иногда он просто вставляет итальянские слова вместо латинских, например *guerra* в значении «война», *pertanto* в значении «потому».

²⁰ *Stok F. Op. cit. P. 147.*

²¹ *Ibid. P. 160.*

²² *Ibid.*; текст жизнеописания впоследствии перепечатан с английским переводом Дж. Хэлпорна в *The Vergilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years / Ed. by J. M. Ziolkowski and M. C. J. Putnam. New Haven; London, 2008. P. 293–303.*

²³ Например, *Comparetti D. Virgilio nel medio evo: Virgilio nella tradizione letteraria fino a Dante. Vol. 1. Firenze, 1896* периодически цитирует *accessus* Дзоно по рукописи Marcianus XIII 61 (не зная, что это текст Дзоно) в связи с представлениями о Вергилии как сверхмудреце; с точки зрения рецепции Вергилия Дзоно рассматривает и *Zabughin V. Virgilio nel Rinascimento Italiano da Dante a Torquato Tasso: Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia. Vol. I. Bologna, 1921. P. 47–51* (ср. также *Zabughin V. L'umanesimo*

пересказывает и обсуждает их. При этом, однако, раздел *accessus*'а, который в первую очередь интересует нас, никогда не становился объектом специального внимания, и Сток удостаивает его только коротким упоминанием (да и понятно почему): «Затем следует длинное изложение содержания поэмы и дальнейшего развития сюжетной линии “Энеиды” вплоть до основания Рима и далее»²⁴. Действительно – краткий пересказ комментируемого сочинения, какими часто занимаются средневековые грамматиканы, казалось бы, что тут может быть интересного. Но я предлагаю разобраться с этим текстом повнимательнее (далее я использую единственную доступную мне из рукописей *accessus*'а, которая одновременно является одной из древнейших, Laurentianus Plut. 53.25).

Можно заметить, что в поле нашего зрения оказываются вместе сразу несколько разных явлений, «скрещенных» между собой: во-первых, изложение содержания текста, своего рода пересказ или *summary*; во-вторых, изложение более широкого «исторического контекста» содержания, «историческая справка»; наконец, в-третьих, это должно быть как-то связано с теорией *historia*. Действительно, Дзано явно смешивает несколько комментаторских жанров. Изложения содержания часто предваряют произведение в средневековых рукописях, но они должны, в отличие от нашего текста, останавливаться в том же месте, где и сюжет комментируемого текста – иначе это уже не *summary*²⁵; «исторические справки» также часто встречаются среди паратекстов, особенно к текстам, требующим от читателя знания истории, вроде поэмы Лукана, но это, опять же, самостоятельный грамматический жанр, обычно он не смешивается с пересказом²⁶. Но этим его смешение на самом деле не ограничивается. Совмещенный с исторической справкой пересказ «Энеиды» оказывается у него вставлен внутрь полноценного *accessus ad auctorem* в той его форме, которая распространяется где-то в XIII в. явно

nell storia della scienza: Il Commento Virgiliano di Zono de' Magnalis // *L'Arcadia*. Vol. 1. 1917. P. 1–18; Vol. 2. 1918. P. 87–99); Sanford E. M. The Manuscripts of Lucan: *Accessus and Marginalia* // *Speculum*. Vol. 9. 1934. P. 278–295 периодически цитирует *accessus* Дзано к Лукану в связи с устройством *accessus*'ов.

²⁴ Stok F. Op. cit. P. 152.

²⁵ См. Opitz C. R. *De argumentorum metricorum Latinorum arte et origine* // *Leipziger Studien zur Classischen Philologie*. Bd. 6. 1883. S. 195–311; Шумилин М. В. Метрические аргумента Лукана: по следам грамматических традиций (Часть I. Argumenta Barthiana); о прозаических пересказах см., напр., Bozzolo C., Jeudy C. *Stace et Laurent de Premierfait* // *Italia medioevale e umanistica*. Vol. 22. 1979. P. 413–447.

²⁶ Sanford E. M. Op. cit. P. 289–290.

под влиянием схоластического увлечения Аристотелем. *Accessus*'ы высокого средневековья обычно строятся в виде ответов на некое подобие анкеты (кто автор, как называется произведение, каким стилем оно написано, каково намерение автора и т. д.) – такую «анкету» можно найти уже у Сервия, но устоявшийся список вопросов устанавливается где-то на рубеже XI и XII вв.²⁷ Нововведение XIII в. заключалось в том, что вопросником (накладываемым на старую «анкету» или вытесняющим ее) стал служить список 4 аристотелевских причин²⁸. В интересующем нас месте, в частности, Дзоно вообще-то говорит о материальной причине «Энеиды», *causa materialis*. Вот его слова (fol. 1ra):

Causa materialis est Eneas sive historia Enee Troiani de adventu eius in Ytaliam. Ad cuius evidentiam est notandum, quod destructa civitate Troiana Eneas cum multis qui evaserunt a desolatione Troie devenit Antadrum [sic]...

Материальная причина – это Эней, или история троянца Энея, как он прибыл в Италию. Чтобы это стало понятнее, следует отметить, что после разрушения города Трои Эней вместе со многими спасшимися из опустошаемой Трои прибыл в Антандр...

Ad cuius evidentiam est notandum – вариант клише из языка схоластической философии (*ad cuius evidentiam sciendum est, ad cuius evidentiam considerandum est*); Дзоно здесь вводит при помощи него сам свой пересказ, обозначая его как «История (*historia*) троянца Энея». Среди аристотелевских причин материальная удобно накладывалась на неаристотелевские «вопросники», поскольку в них уже тоже периодически появлялся пункт *materia*²⁹. Обычно «материей» произведения называют

²⁷ Gillespie V. From the Twelfth Century to c. 1450 // The Cambridge History of Literary Criticism. Vol. 2: The Middle Ages / Ed. by A. Minnis and I. Johnson. Cambridge, 2005. P. 150.

²⁸ Minnis A. J. Medieval Theory of Authorship: Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages. London, 1984. P. 28.

²⁹ В XII в. этот пункт, видимо, был уже у «магистра Ансельма»: см. Ziolkowski J. M. Expositio Monacensis II // The Vergilian Tradition. P. 230–231 вместе с Brown V. A Twelfth-Century Virgilian Miscellany-Commentary of German Origin (Vatican Ms. Pal. Lat. 1695) // Scire litteras. Forschungen zum mittelalterlichen Geistesleben: Bernhard Bischoff gewidmet / Hgb. von S. Kramer, M. Bernhard. München, 1988. S. 73–86, ср. Rose V. Op. cit. P. 1307 (в комментарии к «Фиваиде»).

либо персонажей, либо описанные в нем события (например, «материей» поэмы Лукана обычно оказывается либо «гражданская война между Помпеем и Цезарем», либо сами «Помпей и Цезарь»)³⁰, однако пересказ, как правило, не прилагается. Но здесь можно заметить интересное сходство в самом подразумеваемом представлении о том, как работает поэт. Как описанная нами выше античная концепция *historia*, так и этот пункт *accessus*’ов подразумевают, что поэт берет некий готовый нарратив или событийный ряд (*historia* в первом случае, *materia* во втором) и поэтически обрабатывает его. Поэтому отождествление двух понятий в комментарии Дзано, я полагаю, не случайно; а употребление слова *historia* применительно к пересказу содержания произведения или к историческим справкам можно, конечно, найти и раньше: ср., напр., комментарий Арнульфа Орлеанского к Лукану, рубеж XII и XIII вв. (4.13–14 Marti)³¹:

Summa historie cui tractatus huius figmentum innititur talis esse predicatur...

Свод истории, на которой основывается вымысел этого сочинения, как сообщают, таков...

Получается нечто внешне похожее на популярное в современном литературоведении противопоставление «фабулы» и «сюжета» в духе В. Шкловского и Б. Томашевского (причем Шкловский определял фабулу именно через оппозицию «материала» и «формы»)³², а включаемый

³⁰ Sanford E. Op. cit. P. 283. В комментарии к Лукану (Laurentianus Plut. 53.29, fol. 5v, ср. Laurentianus Plut. 35.1, fol. 3v и Laurentianus Plut. 53.26, fol. 8v) Дзано пишет, что *Causa materialis Lucani principaliter est illud civile bellum, quod factum est inter Cesarem et Pompeium. licet secundario materia eius sunt alia bella de quibus agit, quae precesserunt et secuta sunt. sive eius materia est historia Romana belli civilis et plus quam civilis, facti inter Iulium Cesarem et Pompeium Magnum sui generum, et aliorum bellorum precedentium et subsequentium* «Материальная причина Лукана – это в первую очередь та гражданская война, которая произошла между Цезарем и Помпеем. Хотя во вторую очередь его материя – это другие войны, о которых он говорит, которые предшествовали и следовали после. Или же его материя – это римская история гражданской и более чем гражданской войны, произошедшей между Юлием Цезарем и Помпеем Великим, его зятем, и других войн, предшествовавших и следовавших после» (как кажется, повтор дополнительно указывает, что комментарий Дзано к Лукану также основывается на *recollectae* лекций, ср. прим. 21).

³¹ Ср. Sanford E. M. Op. cit. P. 281, 289–290.

³² Ср. Шкловский В. Б. «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. М., 1921. С. 39 (курсив мой): «Понятие сюжета слишком часто смешивают с описанием событий –

Дзоно пересказ позволяет удобным образом положить бок о бок то, что перерабатывалось, и то, что получилось, и посмотреть, в чем различия, совсем как у русских формалистов.

Итак, в чем же эти различия? Одно бросается в глаза сразу: начало пересказа не совпадает с началом поэмы; отплытие Энея из Трои и прибытие в Антандр описывается в начале III книги, в рамках рассказа Энея Дидоне о своих странствиях. Дзоно, таким образом, восстанавливает естественный порядок материи (*ordo naturalis* в терминологии средневековых *accessus*’ов, противопоставляемый *ordo artificialis* «искусственному порядку») ³³, перенося содержание «флэшбэка» из II и III книг поэмы в начало пересказа (II книга почему-то вообще не пересказывается, поэтому отплытие из Трои оказывается начальным пунктом с *хронологической* точки зрения).

Второй очевидный момент: пересказ не заканчивается тем местом, где заканчивается «Энеида» (смертью Турна), но, как видно из описания Стока, продолжается дальше. Теоретически это можно было бы связать с сомнениями Дзоно по поводу того, собирался ли Вергилий закончить свою поэму XII книгой ³⁴, но крайне маловероятно, чтобы Дзоно считал,

с тем, что предлагаю условно назвать фабулой. На самом деле фабула есть лишь *material* для сюжетного *оформления*. Таким образом сюжет “Евгения Онегина” не роман героя с Татьяной, а сюжетная обработка этой фабулы, произведенная введением перебивающих отступлений».

³³ *Quadlbauer F. Zur Theorie der Komposition in der mittelalterlichen Rhetorik und Poetik // Rhetoric Revalued: Papers from the International Society for the History of Rhetoric / Ed. by V. Vickers. Binghamton, 1982. P. 115–131.*

³⁴ *Vita Virgilii 131–138 Stok: Et in componendo hoc opus Virgilius insudavit XII annis et non complevit nec correxerat hoc opus, sicut quod multi dicunt. sed Fulgentius vult quod complevit, quia incepit a principio vite et tendit usque ad mortem et post mortem nichil est ultra et, quia liber terminatur in morte Turni, ideo completum est opus. sed hoc non videtur, quia adhuc restat de themate promisso, quia nichil dicit de Lavinia, cum tamen proposuerat se dicturum, tantum dixit: “Laviniaque littora”, et non dixit quomodo habuit Laviniam et Laurentum. et dato quod perfect, morte preventus non emendavit opus suum* «Над написанием этого произведения Вергилий трудился 12 лет, и не успел дописать и выправить его, как говорят многие. Но Фульгенций считает, что он его дописал, поскольку он начал с появления жизни и дошел до самой смерти, а после смерти больше ничего уже нет, и, раз книга заканчивается смертью Турна, то значит, произведение завершено. Но это мнение представляется неверным, поскольку не все заявленные темы раскрыты, ведь ничего не сказано о Лавинии, а когда он заявлял, о чем скажет, то сказал только “и Лавинийские берега” <Энеида 1.2>, а как Эней овладел Лавинией и Лаврентом, не написал. А если считать, что дописал, то смерть помешала ему выправить свое произведение». Подразумевается аллегореза «Энеиды» из «Изложения содержания Вергилия» Фульгенция, в которой разные части поэмы соотносятся с разными возрастами человека, а убийство Турна, соответственно, со

что «Энеида» должна была доходить до основания Рима, которым заканчивается его пересказ. Посмотрим на этот текст внимательнее (fol. 1va–b):

...et interfecit Mezentium regem pulsum a Tuscis³⁵, quem Turnus fovebat, et Camillam devicit, et Turnum interfecit, et duxit Laviniam, ex qua natus Silvius postumus. et Ascanius Troianus filius Enee mortuo En. impaciens noverce relicta sibi civitate Laurenti edificavit Albam civitatem, in qua regnavit a .xxx. annis, et tunc, licet haberet filium parvum, reliquit imperium Albe Silvio fratri suo: ita tenerime eum adamavit. et omnes reges Albe postea dicti sunt Silvii ab isto Silvio. et regnavit imperium in Alba .ccc. annis donec deventum est ad Romulum et Remum descendentes per successionem, qui hedificaverunt Romanam civitatem; et tunc Alba et Roma equaliter regnaverunt centum annis, sed postea invalescente et multiplicata civitate Romana Alba destructa fuit a quodam Tullo. in qua Alba successive ante conditionem civitatis Romane fuerunt xiiii reges, quos alibi nominabo. et hoc breviter de materia libri Eneydos.

...и убил изгнанного этрусками царя Мезенция, любимца Турна <Aen. 10.897–908>, и одолел Камиллу <Aen. 11.801–831>, и убил Турна <Aen. 12.950–952>, и взял в жены Лавинию, которая родила ему после смерти сына Сильвия <ср. Aen. 6.763–764>. И троянец Асканий, сын Энея, после смерти Энея, не желая терпеть мачеху, оставил ей Лаврент и основал город Альбу, где правил с тридцати лет. А потом, хотя у него и был маленький сын, он завещал власть над Альбой брату Сильвию, столь нежно он его любил. И все цари Альбы после этого носили имя Сильвий в честь этого Сильвия. И держава Альбы простояла 300 лет, пока не дошло до Ромула и Рема, наследовавших по прямой линии, которые построили город Рим. И тогда Альба и Рим царили наравне в течение 100 лет, но потом, когда город Рим набрался сил и разросся, Альба была разрушена неким Туллом <ср. Сервий, Комментарий к Энеиде 1.272>. В этой Альбе один за другим правили до постройки

смертью. Отношения Энея с Лавинией занимают важное место в средневековых «сиквелах» к «Энеиде», от «Романа об Энее» (ок. 1160 г.) до «XIII книги Энеиды» Маффео Веджо (1428): см. *Wilson-Okamura D. S. Virgil in the Renaissance. Cambridge, 2010. P. 233–247.*

³⁵ *Tuscis scripsi: Turnis cod.*

города Рима 14 царей, которых я перечислю в другом месте. Вот вкратце материя книги «Энеида».

Если раньше шел пересказ, то откуда Дзано берет информацию теперь? Очевидно, что не из Ливия, у которого Сильвий – сын Аскания (1.3.6). Вероятный источник большей части информации Дзано – комментарий Сервия к «Энеиде». Сравним следующие пассажи:

in Aen. 6.760: Primo bello periit Latinus, secundo pariter Turnus et Aeneas, postea Mezentium interemit Ascanius et Laurolavinium tenuit. cuius Lavinia timens insidias, gravida confugit ad silvas et latuit in casa pastoris Tyrrhi: ad quod adludens ait “Tyrrhusque pater, cui regia parent armenta”: et illic enixa est Silvium. sed cum Ascanius flagraret invidia, evocavit novercam et ei concessit Laurolavinium, sibi vero Albam constituit. qui quoniam sine liberis periit, Silvio, qui et ipse Ascanius dictus est, suum reliquit imperium: unde apud Livium est error, qui Ascanius Albam condiderit. postea Albani omnes reges Silvii dicti sunt ab huius nomine, sicut hodieque Romani imperatores Augusti vocantur, Aegyptii Ptolomaei, Persae Arsacidae...

В первом сражении пал Латин, во втором вместе Турн и Эней, а затем Асканий убил Мезенция и завладел Лавролавинием. Лавиния, боясь его козней, бежала в леса (*silvae*) и спряталась в хижине пастуха Тирра; намекая на это, Вергилий говорит: «И отец Тирр, которого слушается царский скот» <Энеида 7.485–486>. И там Лавиния родила Сильвия. Но поскольку Асканий пылал к ней ненавистью, он призвал матрону и уступил ей Лавролавиний, а себе построил Альбу. Но поскольку он умер бездетным, он оставил свою державу Сильвию, который и сам назывался Асканием. Поэтому Ливий запутался, какой Асканий основал Альбу. После все альбанские цари назывались Сильвиями по его имени, как и сегодня все римские императоры называются августиами, все египетские – Птолемеями, все персидские – Арсакидами....

in Aen. 1.269 (Servius auctus): Triginta] vel quod XXX. tantum annos regnavit, vel quod Cato ait, “XXX. annis expletis eum Albam condidisse”.

Тридцать: либо потому, что он правил всего 30 лет, либо, как Катон говорит, что «он основал Альбу по исполнению 30 лет».

in Aen. 1.272: Ter centum] quomodo trecentos annos dicit, cum eam quadringentis regnasse constet sub Albanis regibus? sed cum praescriptione ait 'tercentum', scilicet usque ad ortum urbis Romae; ait namque 'donec regina sacerdos Marte gravis'. et constat in regno Romuli et Numae et Tulli Hostilii, qui evertit Albam, centum annos, quibus pariter Roma et Alba regnarunt, esse consumptos.

Триста: как это он говорит про триста лет, когда известно, что она <Альба> правила под властью альбанских царей четыреста лет? Но он говорит «триста» с оговоркой, то есть что это только до появления города Рима; ведь он говорит: «Пока царица-жрица, забеременев от Марса...» <Aen. 1.273–274>. А известно, что за время правления Ромула и Нумы и Тулла Гостилия, который разрушил Альбу, прошло сто лет, в которые Рим и Альба правили наравне.

Дзоно следует за Сервием почти во всем, что не противоречит тексту Вергилия (Мезенций, конечно, все-таки умирает раньше Турна, как в «Энеиде»). Остающиеся необъясненными мелкие детали (в частности, сюжет о нежной любви Аскания к сводному брату и завещании ему царства в обход собственного сына – Сервий прямо говорит, что Асканий «умер бездетным») можно почти все свести к добавлению сведений из «Хроники» Иеронима³⁶. Все же один пункт очевидным образом выпадает: число альбанских царей (у Сервия их не 14, а 13 (in Aen. 6.756)). Дзоно явно имеет в виду взятый из какого-то другого места список царей. Интересным образом, он даже указывает, где найти пояснения по поводу конкретного состава этого списка. Ссылка «в другом месте» (*alibi*) на самом деле довольно прозрачна – искать нужно, конечно, в аналогичном месте *accessus*'а Дзоно к Лукану. И мы действительно находим там этот список (Laurentianus Plut. 53.29, fol. 1v, ср. Laurentianus Plut. 35.1, fol. 3r, Laurentianus Plut. 53.26, fol. 2r; правда, здесь у Дзоно получилось 15 царей, но дело, вероятно, просто в том, что в одном случае Асканий считается, а в другом – нет)³⁷:

³⁶ См. подробнее далее в прим. 39. Лаврент на месте Лавролавиния может быть просто искажением текста, возникшим внутри рукописной традиции.

³⁷ Альтернативное объяснение – порча текста: в рукописи Laurentianus Plut. 35.1 последняя цитируемая нами фраза выглядит как *Amulius Albanorum rex annis xvi regnavit*

Ascanius vero moriens regnum Albe in qua regnaverat xxx annis fratri suo Silvio reliquit, a quo reges Albe dicti sunt Silvii. Et hoc pertanto, quia Iulius, filius dicti Ascanii, nondum regno erat ydoneus. Et nota quod infrascripti fuerunt reges Albani, in qua dicitur imperium regnasse ccc annis antequam conderetur Romana urbs. Quorum hec sunt nomina, scilicet: Ascanius, Enee filius, Albam condidit; Silvius postumus Enee successit; Latinus Eneas; Latinus Silvius; Alba Silvius; Egiptus Athis; Capis Silvius Capue conditor; Carpentus; Tiberinus, in flumine Albula suffocatus, propter quod postea dictus est fluvius ille Tiber; Agrippa Aremus; Aventinus; Procas; Amulius filius Proce... Amulius Albanorum rex xv.

Асканий же, умирая, оставил царство Альбы, в котором правил 30 лет³⁸, брату Сильвию, от которого цари Альбы получили имя Сильвиев. И это потому, что Юлий, сын названного Аскания, еще не годился для правления. И отметить, что перечисленные ниже были альбанскими царями, а в Альбе власть царила на протяжении 300 лет до основания города Рима. Имена их таковы: Асканий, сын Энея, основал Альбу; Сильвий, родившийся у Энея после его смерти, унаследовал престол; Латин Эней; Латин Сильвий; Альба Сильвий; Египет Атис; Капис Сильвий, основатель Капуи; Карпент; Тиберин, утонувший в реке Альбуле, из-за чего эта река после стала называться Тибр; Агриппа Арем; Авентин; Прока; Амулий, сын Проки... Амулий – пятнадцатый царь альбанцев.

По составу и орфографии этого списка легко определить его вероятный источник – это «Компендий римской истории» Риккобальдо Феррарского (между 1308 и 1318 гг.), которым Дзоно и вообще, по-видимому, пользовался в качестве основного справочника по римской истории³⁹. Но

«Амулий, царь альбанцев, правил 16 лет» (но обычно Амулию приписывают гораздо более длительное правление).

³⁸ Так во всех трех указанных рукописях; возможно, испорченный текст вместо *a xxx annis* «с 30 лет», либо, наоборот, испорчен текст *accessus*’а к «Энеиде» и там нужно читать *xxx annis* «30 лет» вместо *a xxx annis* «с 30 лет» (ср. цитированный текст *Serv. auct. in Aen. 1.269*, допускающий оба варианта). Логика фразы из *accessus*’а к «Энеиде» (... *et tunc... «...а затем...»*) скорее говорит за второй вариант, хотя не вполне ясно, каким образом тогда в тексте возник предлог *a*.

³⁹ *Stok F. Op. cit. P. 165. Cp. Ricobaldus Ferrariensis. Compendium Romanae historiae / Ed. A. T. Hankey. Roma, 1984. Vol. 1. P. 23: De regibus Albanis. Ascanius Enee filius condidit Albam. Silvius postumus Enee filius successit. Latinus Eneas. Latinus Silvius. Alba Silvius. Egiptus Athis. Capis Silvius Capue conditor. Carpentus. Tiberinus. Agrippa. Aremus.*

для нас важнее другой момент: получается, что изложение *historia* у Дзона не заканчивается и основанием Рима, просто его продолжение находится в другом комментарии! Значит, наряду с признаком, объединяющим ее с «фабулой» Шкловского (выпрямление хронологии), *historia* обладает и признаком, принципиально отличающим ее от «фабулы» формалистов: *historia* – это *единый* событийный ряд, который стоит не за одним конкретным литературным произведением, но за всеми литературными произведениями сразу. Поэтому и осмысленно излагать в *accessus*'е к «Энеиде» события, в нее не вошедшие: к обработке «матери» поэтом относится не только изменение ее порядка, но и выбор начальной и конечной точек в уже заранее существующем событийном ряду⁴⁰.

Обращает на себя внимание, что обе эти характеристики явно свойственны и еще одному средневековому жанру – прозаическим переложениям классической античной поэзии на новые языки. Таковы, например, переложения Лукана, которые нередко тяготеют к разрастанию

Aventinus. Procas. Amulius filius Proce... «Об альбанских царях. Асканий, сын Энея, основал Альбу; Сильвий, сын, родившийся у Энея после его смерти, унаследовал престол; Латин Эней; Латин Сильвий; Альба Сильвий; Египет Атис; Капис Сильвий, основатель Капуи; Карпент; Тиберин; Агриппа; Арем; Авентин; Прока; Амулий, сын Проки...» По поводу истории о Тиберине, добавленной Дзоно, ср. Serv. in Aen. 3.500. По названному в *accessus*'е к Лукану имени сына Аскания (Юлий, а не Юл, как у Дионисия Галикарнасского, Ant. Rom. 1.70.3–4) можно построить предположения о том, откуда Дзоно взял добавленную к Сервию информацию об этом персонаже: это, вероятно, какой-то текст, производный от Иеронимовского перевода «Хроники» Евсевия, либо сама «Хроника» (2.57a Schoene: *Ascanius Iulium filium procreavit, a quo familia Iuliorum orta. et propter aetatem parvuli, quia necdum regendis civibus idoneus erat, Silvium Postumum fratrem suum regni reliquit heredem* «Асканий породил сына Юлия, от которого пошла семья Юлиев, и из-за возраста малыша, поскольку тот еще не годился для управления гражданами, оставил наследником царской власти своего брата Сильвия Постума»), причем отсюда же на самом деле и сюжет об особенно нежном отношении Аскания к сводному брату (2.55h Schoene: *Ascanius derelicto novercae suae regno Lavinii (v. l. Lavinti) Albam Longam condidit, et Silvium Postumum fratrem suum Aeneae ex Lavinia filium summa pietate educavit* «Асканий, оставив своей мачехе царство Лавиния, основал Альбу Лонгу и с редкостной любовью воспитал своего брата Сильвия Постума, сына Энея от Лавинии»); промежуточным источником проще всего считать того же самого Риккобальдо (Ricobaldus Ferrariensis. Op. cit. P. 46: *Ascanius Enee filius, relicto novercae Lavinie regno, Albam condidit. Silvium fratrem postumum summa pietate educavit. Iulium genuit, a quo familia Iuliorum orta est. Ascanius moriens regnum fratri reliquit, quia Iulius nundum erat regno ydoneus*).

⁴⁰ Дополнительно способствовать закреплению такого представления мог широко читаемый в Средние века пролог к «Фиваиде» Стация, где деятельность поэта изображается как выбор определенного отрезка из событийного ряда всех мифов о Фивах (Stat. Theb. 1.3–17).

в историю Рима вообще – часто они и называются соответствующим образом, вроде исландской «Саги о римлянах» (конец XII в.) или французских «Деяний римлян» (ок. 1213–1214 гг.). А ирландская «Гражданская война» (XII в.) вообще начинается с эпохи правления ассирийцев над миром. Порой есть искушение просто и воспринимать их как пересказы поэмы, в которые инкорпорированы распространенные «исторические справки» из *accessus*’ов (в частности, и во французском, и в ирландском переложении, и также в традиции *accessus*’ов к Лукану присутствуют каталоги римских магистратур (*dignitates*), восходящие к *Isid. Etym.* 9.3), то есть сводить к информации, которую можно было почерпнуть из одной рукописи Лукана с паратекстами. Но такой взгляд затрудняется тем, что те же самые переложения часто включают в себя и подробные переводы текстов других древних авторов, которые не принято приводить в составе *accessus*’ов (Саллюстия и Светония в случае французского переложения, Иеронима, Цезаря и Беды в случае ирландского переложения). То есть перед нами все-таки оказываются сводные «римские истории», а не просто переводы Лукана. А ирландская «Гражданская война» еще и, наоборот, заканчивается, не дойдя до конца поэмы Лукана (Фарсальской битвой). Но если учесть то представление об *historia*, которое мы хорошо видим у Дзоно, то противоречие в общем-то снимается: на новые языки перелагается, по-видимому, не совсем Лукан, а та *historia*, которая стоит за ним, и не только за ним: она может включать и материал из *accessus*’ов, и «фабулу» других древних текстов, а ее начало и конец совсем не обязаны совпадать с началом и концом классических текстов.

Еще одна черта, объединяющая *historia* Дзоно и средневековые переложения (и тем самым, как кажется, подкрепляющая предположение об их связи), – это тенденция к выпрямлению хронологии, действительно очень характерная для переложений. Так, во французском «Романе об Энее» (ок. 1160 г.), зависимой от него немецкой «Энеиде» Генриха фон Фельдеке (XII в.) и ирландских «Блужданиях Энея» (XII в.) рассказ Энея дублируется пересказом в начале нарратива, и таким образом повествование тоже начинается с хронологически самой ранней точки. Причем, если во французской версии и у Фельдеке этой точкой оказывается взятие Трои, то ирландский текст, как и Дзоно, опускает содержание II книги «Энеиды» и сразу переходит к III⁴¹. В качестве другого примера мож-

⁴¹ О влиянии идеи *ordo naturalis* на порядок изложения событий в переложениях см. *Fromm H. Die mittelalterlichen Eneasromane und die Poetik des ordo narrandi // Erzählungen in Erzählungen. Phänomene der Narration in Mittelalter und Früher Neuzeit / Hgb. von*

но привести ирландскую версию «Ахиллеиды» Стация, где содержание «флэшбека» из II книги (воспитание Ахилла) переставляется в начало рассказа⁴². Итак, представление Дзоно о стоящей за поэтическим текстом *historia* очень напоминает ту переработку текста, которая подразумевается в средневековых переложениях.

Но за этим сходством можно заметить и противоречие, указывающее уже на скорее специфическую черту концепции истории у Дзоно, выделяющую его из средневековой традиции. Как мы помним, исходно, у Сервия, оппозиция *historia*–*fabula* была инструментом, при помощи которого можно «разделаться» с ненужным сверхъестественным материалом. Значит, должно подразумеваться, что *historia* – это не просто «стоящий за текстом рассказ», а «стоящая за текстом *правда*». Поэт берет ряд *фактов* и обрабатывает их. Та же функция *historia* обычно сохраняется и в Средние века. Это хорошо видно по следующему пассажиру из комментария псевдо-Бернарда Сильвестриса к «Энеиде» (XII в.)⁴³, речь идет о рассказе Энея во II и III книгах:

Quoniam quidam sermo verus, quidam falsus, ideo in hac narratione per hoc quod veritati historie falsitas fabule admiscetur hoc idem figuratur. est enim historia quod Greci Troiam devicerunt; quod vero Enee probitas enarratur fabula est. narrat enim Frigius Dares Eneam civitatem prodidisse.

Поскольку речь иногда правдива, а иногда ложна, поэтому в этом повествовании в том, что к истине истории примешивается ложь мифа, изображается то же самое. Ведь это история, что греки завоевали Троию, но рассказ о том, какой Эней хороший, – это миф (*fabula*). Ведь Дарет Фригийский рассказывает, что Эней сдал свой город.

H. Haferland und M. Mecklenburg. München, 1996. S. 27–39; *Kobus I. Imtheachta Aeniassa: Aeneis-Rezeption im irischen Mittelalter // Zeitschrift für celtische Philologie*. Bd. 47. 1995. S. 81; *Green D. H.* Op. cit. P. 96–103. В случае ирландского текста можно сделать предположение о причине пропуска II книги: разрушение Трои уже было описано в очень влиятельном ирландском «Захвате Трои», переложении Дарета Фригийского (древнейшая дошедшая до нас версия датируется XI в.).

⁴² Этот текст сохранился в виде вставки в позднюю версию того же самого «Захвата Трои»: *Ó hAodha D. The Irish Version of Statius' Achilleid // Proceedings of the Royal Irish Academy*. Vol. 79C. 1979. P. 83–138.

⁴³ *Commentum quod dicitur Bernardi Silvestris super sex libros Eneidos Virgilii / Ed. J. W. Jones and E. F. Jones. Lincoln, 1977. P. 15.*

«История о разрушении Трои» Дарета Фригийского – вероятно, идеальный случай *historia*: это неукрашенный рассказ о событиях, «стоящих за» «Илиадой», с устранением всего сверхъестественного. Вероятно, поэтому Дарет и был так популярен у составителей средневековых переложений на новые языки наравне с «Энеидой», «Гражданской войной» Лукана и «Фиваидой» Стация. С точки зрения псевдо-Бернарда, как мы видим, изложение фактов, стоящих за «Энеидой», будет довольно сильно отличаться от «Энеиды», например потому, что, согласно изложенным Даретом *фактам*, греки дали Энею убежать из Трои потому, что он сдал свой город. Вергилий эти факты (*historia*) искажает. Интересно, что ирландские «Блуждания Энея», по композиции, как мы видели, особенно близкие к Дзону, начинаются следующим образом (*Imtheachta Aeniasa* 1–6):

Othairnic tra do Grecaib slad ḡ inrad ḡ dithlaithriugud rig cathrach na Frigia .i. in Træ, cend ordain ḡ airechais na huili Aissia isside, tancadar rigraid na nGrec co dind Minerba isin Trae, ḡ dorochtadar i n-æn baile uile ḡ rofiarfaig Aigmenon, int airdrig dib, ca comairle dobertais do arin forind romairn in cathraig, no in comailfitis friu.

Когда же греки разграбили, разорили и разрушили столицу Фригии, то есть Трою, первый по почету и достоинству город во всей Азии, цари греков отправились на холм Минервы в Трое, и собрались все вместе, и Агамемнон, их высший царь, спросил, какое решение им принять в отношении тех, кто сдал город, выполнять ли обещания по отношению к ним.

Греки, таким образом, решают отпустить предателей, сдавших Трою, то есть Энея и его будущих спутников⁴⁴ – сюжет Вергилия (которого, на первый взгляд, вроде бы *переводят*) «выправлен» под те самые известные из Дарета «факты», на которые указывал и псевдо-Бернард. Переказывается, опять же, не «Энеида», а *правда*, стоящая за «Энеидой».

Именно с этим пунктом в пересказе Дзона и возникают проблемы. Его *historia*, где только это возможно, полностью конструируется из пересказа Вергилия. Вопреки *historia* по псевдо-Бернарду, Эней у Дзона не оказывается предателем; вопреки *historia* по Сервию, как мы видели,

⁴⁴ Ср. *Harris J. R. Aeneas's Treason and Narrative Consistency in the Mediaeval Irish Imtheachta Aeniasa // Florilegium. Vol. 10. 1988/1991. P. 25–48.*

у Дзоно Мезенций умирает раньше Турна. Отсюда, собственно, и эффект жанровой смешанности: точные пересказы комментируемого текста потому обычно и существуют отдельно от «исторических справок», что подразумевается, что они не совпадут. Дзоно же явным образом вставляет текст в жанре пересказа в текст в жанре «изложения истории», причем можно заметить даже явные следы использования *поэтических* пересказов Вергилия, что уже совсем странно, если речь идет о стоящих за поэзией «фактах»; в частности, смерть Дидоны Дзоно описывает так (fol. 1va):

In discessu En. Dido interfecit se bino vulnere, scilicet amore et gladio.

При отъезде Энея Дидона покончила с собой двойною раной, то есть от любви и от меча.

Этот образ в какой-то степени, конечно, подразумевается в самом тексте Вергилия (ср. Aen. 4.1, 4.66–67, 4.689), но эксплицитно его можно было найти в Anth. Lat. 634.4 Riese², одном из вариантов стихотворного изложения содержания «Энеиды»⁴⁵:

Quartus item miserae duo vulnera narrat Elissae.

Четвертая также рассказывает про две раны несчастной Элиссы.

Но важнее, что, если в изложении стоящей за текстом *historia* просто пересказывать текст, то получится порочный круг. Сопоставлять стоящий за текстом событийный ряд и событийный ряд текста имеет смысл, только если информация о первом взята откуда-то еще (у Сервия – из «Начал» Катона, у псевдо-Бернарда – из Дарета Фригийского). Иначе, если сделать первый событийный ряд из второго, внося в него некоторые отличия, то по определению невозможно найти никакие различия между двумя рядами, кроме тех, которые внес ты сам (в случае Дзоно это будет в первую очередь порядок изложения). И тогда, если *historia* в трактовке

⁴⁵ Дзоно сам цитирует эту строку на fol. 53va, по-видимому приписывая ее Овидию вместе со средневековой традицией. Прямые цитаты из текста Вергилия у Дзоно также можно найти: ср., напр., *habuit Eneas in responsis dum sacra faceret quod fugeret littus avarum* «Когда Эней совершал жертвоприношения, ему было изречено, чтобы он бежал с жадного берега» (fol. 1va) и Aen. 3.44: *fuge litus avarum* «Беги с жадного берега!».

Сервия служила комментатору *инструментом* для чего-то (для того, чтобы отфильтровать языческий вымысел от фактов), то *historia* в трактовке Дзоно на самом деле не может служить инструментом ни для чего. И удивительным образом Дзоно даже не пытается, как мы ожидали бы, исключать из своего пересказа языческое содержание⁴⁶. Вот, например, как описывается причина отплытия Энея из Карфагена (fol. 1va):

Sed de inde discedens monitu deorum et precipue Mercurii venientis et alloquentis En.⁴⁷

Но и оттуда Эней отплыл по настоянию богов и особенно Меркурия, который явился Энею и обратился к нему с речью.

Следует ли отсюда, что Дзоно верит в языческих богов? Вряд ли. Вот что он говорит о явлении Энею Меркурия в самом тексте комментария (fol. 58va):

Et mittitur Mercurius ad Eneam. hoc potest esse quia bona imaginatio boni consilii venit in mentem ipsius Enee. et sic frequenter Mercurius venit ad nos, scilicet quando cogitamus aliquid boni.

И Меркурий отправляется вестником к Энею. Это может значить, что хорошая мысль о хорошем решении приходит в голову самого Энея. И к нам тоже часто вот так приходит Меркурий, то есть когда мы придумываем что-то хорошее.

Вообще-то Дзоно, как мы видим, не брезгует традиционными средневековыми способами разделаться с языческим содержанием: аллегорезой и другими (спуск в загробный мир в VI книге Дзоно, с одной стороны, традиционным для позднего средневековья образом⁴⁸ трактует как

⁴⁶ В переложениях на новые языки боги, конечно, могут фигурировать (часто без них просто развалится сюжет), но явно представляют проблему: их могут, напр., объявлять колдунами, языческими жрецами, демонами, эльфами: см. *Philips H. Medieval Classical Romances: The Perils of Inheritance // Christianity and Romance in Medieval England / Ed. by R. Field, P. Hardmann and M. Sweeney. Cambridge, 2010. P. 3–25.*

⁴⁷ Возможно, фраза, содержащая личную форму глагола, пропущена, но скорее причастная конструкция просто неаккуратно привешена к предшествующему предложению, подлежащим которого является Эней.

⁴⁸ *Wilson-Okamura D. S. Op. cit. P. 157–163.*

завуалированное изображение некромантии, а с другой стороны, в вергилиевском загробном мире флорентийский комментатор находит 9 кругов – в том смысле, что совпадение с устройством ада Данте должно подтверждать реальность описываемой Вергилием Преисподней?)⁴⁹. Но при изложении *historia* эта проблема как будто бы совсем перестает его интересовать. Похоже, что для него вообще не важна правдивость «истории», только ее соответствие классическим текстам; но в то же время *historia* и не становится просто «фабулой» по Шкловскому, поскольку она одна для всех текстов, она существует «независимо» от текстов.

Интересно, что похожий принцип построения исторического нарратива мы найдем даже в опубликованном Фабио Стоком жизнеописании Вергилия, которое следует далее в *accessus*'е Дзано. Сценарий римской гражданской войны, вообще излагаемый очень запутанно, по-видимому, в значительной степени основывается на Лукане и на комментариях к Лукану. Обратим внимание на следующие моменты (*Vita Virgilio* 56–57, 118–119):

Et III anno consentiente senatu mortuus est ipse Cesar in Capitolio a Bruto et Cassio XXV vulneribus...

И на третий год с согласия сената сам Цезарь был убит на Капитолии Брутом и Кассием 25 ранами...

Quibus superatis Cleopatra apposuit aspides ad mammillas et mortua est...

Когда они <войска Антония> потерпели поражение, Клеопатра приложила змей к своим сосцам и умерла...

В античных источниках (*Suet. Iul.* 82, *Plut. Caes.* 66.14 и т. д.)⁵⁰ Цезаря убивают не 25, а 23 ударами, и не на Капитолии, а в здании курии Театра Помпея на Марсовом поле. Перенесение убийства на Капитолий распространено в позднесредневековой традиции (там убивают Цезаря даже в

⁴⁹ *Zabughin V. Virgilio nel Rinascimento Italiano da Dante a Torquato Tasso. Vol. 1. P. 48.*

⁵⁰ То же самое и у Риккобальдо Феррарского, зависимо в соответствующем месте от Светония: *Ricobaldus Ferrariensis. Op. cit. Vol. 2. P. 447.* Правда, судя по другому тексту Риккобальдо, «Померию равеннской церкви» (3.267), он считает, что курия находилась на Капитолии.

«Юлии Цезаре» Шекспира, акт 3, сцена 1 – ударов при этом у Шекспира вообще 33⁵¹, видимо, в какой-то связи с возрастом Христа?); причина, вероятно, в том, что Капитолий воспринимается как более символическое место. Но вот 25 ран – очень редкий сюжет. Известная мне точная параллель – это *accessus* магистра Ансельма к Лукану⁵²:

Facto bello apud Mundam reversus est Cesar Romam et secundo anno interfectus est in Capitolio. XXV. vulneribus a Bruto et Cassio consentiente senatu.

После сражения при Мунде Цезарь вернулся в Рим и на второй год был убит на Капитолии 25 ранами Брутом и Кассием с согласия сената.

К формулировке есть на самом деле еще несколько параллелей в *accessus*'ах к Лукану, но при этом обычно речь о 24 ранах; самый знаменитый из этих текстов – *accessus* к комментарию Арнульфа Орлеанского к Лукану (рубеж XII и XIII вв.), 5.11–14 Marti⁵³:

Bello autem apud Mundam confecto, Cesar Romam rediit qui in secundo anno postea a Bruto et Cassio, senatu consenciente, XXIII plagis in Capitolio est confossus.

После же сражения при Мунде Цезарь вернулся в Рим и на второй год после того был пронзен Брутом и Кассием с согласия сената 24 ранами на Капитолии.

Пару текстов, где ран все-таки тоже 25, тем не менее можно найти. Первый – это *accessus* знаменитой рукописи *Montepessulanus H 362, fol. 141v* (*accessus* записан, согласно каталогу, по которому я его цитирую, рукой XI в.; начало фразы не читается)⁵⁴:

⁵¹ Акт 5, сцена 1: *Never, till Cæsar's three-and-thirty wounds / Be well avenged... «Никогда, пока не будут отмщены 33 раны Цезаря...»*

⁵² Fol. 1r, цит. по *Hofmann D. Studien zur nordischen and germanischen Philologie. Hamburg, 1988. S. 518.*

⁵³ Ср. также *Accessus ad auctores; Bernard d' Utrecht; Conrad d'Hirsau, Dialogus super auctores / Éd. par R. B. C. Huygens. Leiden, 1970. P. 40.*

⁵⁴ *Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements... T. I. Paris, 1849. P. 432.*

* apud Mundam reversus est Cesar Romam et in secundo anno interfectus est in Capitolio viginti quinque vulneribus, a Bruto, consentiente senatu.

...при Мунде Цезарь вернулся в Рим и на второй год был убит на Капитолии 25 ранами Брутом с согласия сената.

Второй – не опубликованный *accessus* рукописи Laurentianus Plut. 35.8, fol. 1v (XIII в.):

Cesar vero bello apud Mundam facto Romam rediit et secundo anno in Capitolio .xxv. vulneribus a Bruto et Cassio senatu consentiente interfectus est.

Цезарь же после сражения при Мунде вернулся в Рим и на второй год был убит на Капитолии 25 ранами Брутом и Кассием с согласия сената.

В обоих случаях, как можно заметить, речь идет об очень близком к «магистру Ансельму» тексте.

Учитывая эти параллели, можно предположить, что не случайно сходство формулировок в описании самоубийства Клеопатры у тех же самых комментаторов Лукана и у Дзона (даже при том, что сам красочный сюжет о прикладывании змей к сосцам получает огромную популярность в XII в. – Иоанн Солсберийский поясняет, что так яд быстрее проникает в сердце)⁵⁵; ср. тексты⁵⁶:

⁵⁵ Поликратик 2.27: *Per mamillas ad cor venenum aspidum insanabile Cleopatra traiciat* «Пусть Клеопатра проводит к сердцу неодолимый яд змей через сосцы»; ср. также Оттон Фрейзингенский, Хроника 3.1 (*adpositis ad mamillas serpentibus*); Чудеса города Рима, «старейшая версия», 623.27–28 Jordan (*posuit ad mamillas duas ptisanas quod est genus serpentis* «приложила к сосцам двух птисанов – это такой род змей»); Готфрид Витербский, Хроника 15 (*arpositis ad mamillas serpentibus*); Гвиберт из Турне, Воспитание королей и государей 12 (*venenum aspidum, quod Cleopatra mamillis adhibens*).

⁵⁶ Дзона, по-видимому, пользовался не Арнульфом, а скорее каким-то из близких к «магистру Ансельму» текстов (аналогичное утверждение может присутствовать и в тексте самого «магистра Ансельма»: он, к сожалению, не опубликован целиком, и я не смог проверить).

Montepessulanus H 362, fol. 141v⁵⁷: Et apositis aspidibus mamillis interfecit se.

И она убила себя, приложив змей к сосцам.

Laurentianus Plut. 35.8, fol. 1v: Et mamillis aspidibus appositis mortua est.

И она умерла, приложив змей к сосцам.

Arnulfus, 5.32–33 Marti: Quo interfecto Cleopatra, suspensis ad mamillas aspidibus, vitam finivit.

Когда он <Антоний> был убит, Клеопатра закончила свою жизнь, подвесив к сосцам змей.

В общем, похоже, что, излагая события гражданской войны в жизнеописании Вергилия (уже вроде бы изложение истории вообще без всякой связи с поэзией!), Дзоно обратился к какому-то *accessus*'у к «Гражданской войне» Лукана.

Итак, подведем итог. Для обычного средневекового комментатора и переводчика *historia/materia* – это стоящий за классическим поэтическим текстом событийный ряд, в котором отсутствуют внесенные поэтом украшения (напр., изменение *ordo*) и искажения информации. Поэтому *historia* и одна для всех поэтических текстов, и можно записать ее вообще непрерывно: ведь это *правда, факты*, а правда только одна. *Historia/materia* у Дзоно – это тоже стоящий за классическим поэтическим текстом событийный ряд, в котором отсутствуют внесенные поэтом украшения, и она тоже одна для всех поэтических текстов, но при этом возможность искажения не допускается. Возможно, что на самом деле Дзоно так развивает идею о непогрешимой мудрости поэта, которой он отводит немало места в *accessus*'е к «Энеиде»⁵⁸, – однако, как мы видели, иногда он все-таки просто закрывает глаза на вопрос о правдивости информации Вергилия, как в приведенном случае с Меркурием. Эта *historia* тоже одна и она существует независимо от произведений, но теперь она уже

⁵⁷ Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements... T. I. Paris, 1849. P. 432.

⁵⁸ См. *Stok F. Op. cit., Comparetti D. Op. cit., passim.*

не связана с *правдой*, а образуется просто в результате выжимки информации из самих поэтических текстов с затыканием дырок при помощи комментариев (ну и иногда все-таки собственно исторических сочинений – конкретно Риккобальдо Феррарского). Это в некотором смысле *объективный* набор фактов, но не в смысле «правдивый», а в смысле «существующий вне» тех поэтических текстов, которые получаются в результате ее переработки, «существующий до» них: ведь *historia* мыслится как материя, которая лежала перед, например, Вергилием, когда тот решил взяться за написание «Энеиды». Дзоно фактически реконструирует это протосостояние сюжета при помощи самих поэм, создает такой общий *back-formation narrative* для классического корпуса античной нарративной поэзии. Вот таким странно релятивистским образом преобразуется средневековое понятие *historia* в руках этого комментатора начала XIV в. Но, наверное, не следует так уж удивляться этому в условиях, когда литература настолько доминирует в культуре, что, желая выслушать лекцию по римской истории в флорентийской или болонской школе или в Болонском университете 1310-х гг., Дзоно, видимо, должен был идти на лекции по какому-нибудь римскому поэту (единственный собственно историк в итальянских «куррикулумах» XIV в. – это Саллюстий, популярность которого, согласно выкладкам Р. Блэка, как раз резко падает)⁵⁹ и слушать вот такие же «исторические справки», а для собственных студентов Дзоно, соответственно, вот эти рассмотренные нами изложения *historia* и были лекциями по истории. Ничего странного, если такая производная от литературы *historia* иногда занимала место и «истории» в нашем сегодняшнем смысле слова.

⁵⁹ *Black R. Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy: Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century. Cambridge, 2001. P. 200–225.* Об отсутствии каких-либо профессоров, специализирующихся на чем-то похожем на историю, кроме профессора «риторики и поэзии», в Болонском университете см. *Grendler P. F. The Universities of the Italian Renaissance. Baltimore; London, 2001. P. 7–9.*

Shumilin, M. V. Zono de' Magnalis and the Notion of *historia* in the Late Medieval Latin Grammarians: Working paper WP19/2012/03 [Text] / M. V. Shumilin ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 32 p. – 150 copies (in Russian).

A survey of the treatment of the notion *historia* by the early 14th cent. Florentine *grammaticus* Zono de' Magnalis in his not yet published preface to the commentary on the *Aeneid* allows us, firstly, to single out clearly the features of this notion characteristic of its treatment in most medieval commentaries on ancient texts, and secondly, to see what is particular to Zono's own approach to this kind of "history".

Препринт WP19/2012/03
Серия WP19
Исторические исследования

Шумилин Михаил Владимирович

**Дзоно де Маньялис и понятие *historia*
у позднесредневековых латинских грамматиков**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,95
Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. №1523

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»